

Н.И. Жевакина (Оношко)

ЧЕЛОВЕК, КАКИХ МАЛО НА ЗЕМЛЕ

***Н.И. Жевакина (1923–2013),
жена Сергея Александровича***

Я знакома с С.А. Жевакиным с 1948 года, но семейная жизнь наша сложилась не сразу, было много разногласий.

Впервые я его увидела на берегу Волги около деревни Зименки. После окончания первого курса партийной школы мы отдыхали в зименковском санатории, а он работал на полигоне НИРФИ. Однажды после завтрака я спустилась на берег, но наши уже уехали на ту сторону. На берегу было только трое молодых людей, приводивших в порядок дряхлую лодку. Я попросила их захватить меня с собой на тот берег. Один из них, высокий с открытым одухотворенным лицом, поразившим меня, спросил, умею ли я плавать и буду ли отчерпывать воду из лодки. Я сказала, что все умею, и мы поехали. На том берегу я присоединилась к нашим, игравшим в волейбол, молодые люди тоже. Высокий, запавший мне в душу, тоже обратил на меня внимание и чаще других бросал мне мяч. Потом все бросились купаться. Я плавала, ныряла с головой, кувыркалась, веселилась. Молодой человек тоже отлично плавал и сказал, что впервые видит женщину, которая так не боится воды. Я, чтобы еще больше отличиться, схватила мою подругу, которая совсем не умела плавать, и потащила ее в Волгу. Зайдя довольно далеко от берега, я почувствовала, что дно резко понижается. Подруга смеялась и крепко вцепилась в мою шею. Я пыталась разжать ее руки и освободиться, пока не очень глубоко, но ничего не могла сделать. Тут я совсем потеряла дно и ушла с головой под воду, подруга села мне на плечи. Я оттолкнулась от дна, вынырнула, глотну-

ла воздуха и опять пошла на дно, вынырнула еще раз и встретила глазами с этим молодым человеком. Он спросил: «Тонешь?» Я успела только крикнуть «да» и пошла ко дну. Но тут же почувствовала, как сильные руки схватили меня и вытащили на мелководье. Я еле оправилась от потрясения, больше мы уже не купались, а лежали на берегу, на горячем песке. Приблизилось время обеда, и мы все уехали. Вечером, после ужина, когда мы всей группой стояли у столовой и думали, как провести вечер, я увидела моего спасителя в белых рубашке и брюках. Он спокойно вошел в наш круг, взял меня под руку и предложил прогуляться. С этого дня мы встречались каждый вечер и гуляли до самого отбоя. Исходили все березовые аллеи парка, спускались к берегу, любовались закатом и без конца говорили. Я узнала, что он аспирант — физик, написал уже диссертацию. Я рассказала ему о себе, что родом из Великого Новгорода, что попала сюда в эвакуацию с матерью, работавшей тогда счетоводом в селе. Мой отец умер до войны, а мать в марте 43-го года. После смерти матери меня из деревни, где я работала счетоводом, пригласили в райцентр Работки и на комсомольской конференции избрали первым секретарем райкома комсомола. В прошлом году я попросилась на учебу в партийную школу, чтобы получить высшее образование. Стипендия там была 1200 рублей — больше моей зарплаты. Сережа, мы уже перешли на «ты», удивил и рассмешил меня вопросом: «А что делают первые секретари райкома комсомола?» Я поняла, что он очень далек от общественной жизни. В даль-

нейшем всячески старалась уговорить его вступить в партию. Мне казалось, что человек, так увлеченный своей работой, с отличием окончивший физико-математический факультет университета, прошедший всю войну до Берлина и получивший орден Красной Звезды за участие в большом танковом сражении, где он обеспечивал связь, обязательно должен быть членом КПСС. Он, очевидно, придерживался своего мнения. Между тем путевка моя заканчивалась, и я готовилась к отъезду, думала пожить оставшиеся две недели в Работках у подруги. Вечером Сережа пришел радостный и сказал, что мне никуда уезжать не надо, он договорился со своим руководством и меня берут ночным сторожем, а он будет мне помогать. Меня это очень рассмешило, а он предлагал вполне серьезно и недоумевал, почему я отказываюсь. На другой день я уехала, а первого сентября он вечером пришел к нам в общежитие. Нас в комнате жило шесть человек, он всем понравился своей простотой и непосредственностью, но все считали его каким-то странным.

В Горьком мы встречались каждый свободный вечер, он мне показывал город, ходили в кино, театры. Тогда шло много итальянских фильмов: «Ночи Кабирии», «Нет мира под оливами» и др. Они ему очень нравились. Прошла зима, все получили распределения, уезжать из города в село не хотелось. Я ждала, что Сережа сделает мне предложение, уж очень нежно он ко мне относился. И, чтобы подтолкнуть его решение, я как-то сказала, что выхожу замуж, меня действительно уговаривал один из выпускников. Сережа молчал. Тогда я сказала: «Что же ты не женишься, а ходишь один, как медведь-шатун?» На это он мне ответил: «А ты сделаешь себе плохую берлогу». И мы расстались.

Школу я окончила с отличием, и мне предложили работать в областном комитете комсомола, заведовать отделом сельской молодежи. Это было лестное предложение, и я осталась в городе. Работа мне нравилась, коллектив был дружный, часто собирались в праздничные дни вместе. Единственное, что не совсем устраивало, — длительные командировки (до месяца) в города области.

Все было хорошо, но меня не покидала тоска о Сереже, желание хотя бы увидеть его. Как-то я набралась храбрости и позвонила ему домой. Он взял трубку, я отрешенным голосом сказала, что осталась в Горьком и если он хочет меня видеть, то пусть приходит в кремль к зданию обкома партии, я в шесть часов вечера к нему выйду. Ровно в назначенное время он уже был на месте, мне было видно из окна.

Так мы снова встретились и встречались каждый вечер, если я была в городе. Познакомила его со своими сослуживцами, он с интересом принимал участие в наших вечеринках. Сережа пел с нами комсомольские песни, танцевал и, думаю, не скучал, все к нему

проявляли интерес. Ранней весной он, верный своему обычаю, появлялся в белых брюках, и моя подруга говорила: «Единственное светлое пятно на всей Свердловке — Сережа в белых брюках». Летом в выходные дни мы на весь день уезжали на Мочальный остров. Нам никогда не было скучно вдвоем. Вечером мы возвращались в город, и он вел меня в ресторан «Неаполь», был такой на улице Маяковского. Он заказывал полный обед и вино. Наевшись досыта, мы отправлялись гулять, чаще всего на Верхневолжскую набережную или на стадион «Динамо», если там не было игр, и сидели вдвоем на самом верхнем ряду.

Так незаметно шли годы, наше взаимное влечение, казалось, не уменьшалось. Я уже познакомилась с его родителями и часто у них бывала. Мама, Гали Николаевна, прекрасно играла на рояле. Она работала концертмейстером в театре оперы и балета, дочь Ирина — балерина и жена директора и дирижера театра П.М. Резникова. Другая его сестра — Ольга Александровна — была замужем за режиссером оперного театра в городе Фрунзе, тоже балерина. Единственный сын Ольды Александровны — Юра (от второго брака) жил с бабушкой в Горьком. Его дядя — Сергей Александрович — оказал на него большое влияние, он окончил радиофак и сейчас является доктором физико-математических наук и работает в ИПФ РАН.

Сережа работал в НИРФИ и одновременно преподавал в университете на радиофаке. Я в это время работала уже в городском комитете партии в отделе пропаганды (инструктором), ведала театрами, музеями, библиотеками и другими творческими организациями. Мне очень хотелось послушать, как Сережа читает лекции, и он меня однажды пригласил. Народу было много, его любили слушать. Я ничего из лекции, конечно, не поняла, но запомнила одну фразу: «Ну, а дальше совсем просто, как железо», после которой он начал опять быстро писать какие-то формулы. Не только мне нравился Сережа, в него были многие влюблены. Как-то раз, придя с экзаменов, он сказал, что получил от студентки письмо в стихах: «О цефеид, о цефеид, ты жжешь и манишь, как магнит, я жду свиданий, я жду лобзаний...» Я спросила, что же он ей ответил. Он отдал ей письмо обратно и сказал: «Больше вы мне таких писем не пишите». Я знала, что к нему домой, часто по вечерам, заходила сотрудница его кафедры то за лекцией, то за книгой и подолгу у него засиживалась, потом он шел ее провожать. Как-то раз я пришла с работы и нашла от него письмо, где было твердо и лаконично написано: «Нина. Я женился на Писаревой, живу у нее. Если можешь, прости. Сережа». Это было для меня крахом, не знала, как буду жить без него, не общаясь с ним. На другой день мне позвонила его мама и попросила обязательно к ней зайти. Она была очень мудрая женщина и понимала мое состояние. Я поколебалась, но все-таки пришла. Мы обнялись и долго плакали. Потом она меня успокоила, сказав, что жизнь прекрасна и я еще встречу

человека, а если надумаю выходить замуж, чтобы обязательно познакомилась с ним, что я и сделала. Сережа в это время выехал в Китай, где преподавал физику в Пекинском университете.

Прошло более десяти лет, я вышла замуж за Василия Ивановича Касаткина, выпускника Высшей партийной школы, бывшего комсомольского и партийного работника. Через год у нас родилась дочь Анна.

С Гали Николаевной я не теряла связи, часто к ним заходила на улицу Больничную вместе с дочерью. В это время я уже работала директором университета марксизма-ленинизма, он располагался рядом со школой № 1, где училась Аня. О Сереже старалась не думать.

Однажды, зайдя к Жевакиным, увидела его сидевшим на веранде. Это был День Победы. Я его поздравила с праздником и спросила, счастлив ли он. На это он ответил, что, видно, счастья-то и нет. Его мама сказала, что он разошелся с женой и теперь живет у родителей. У него нашли туберкулезный плеврит, и он в скором времени уезжает в санаторий «Старая Пустынь» на два месяца. Квартиру он оставил бывшей жене и приемному сыну. Впоследствии мальчик связался с плохой компанией, и его нашли в подвале дома повешенным, ему было около тридцати лет. В то время как Сережа находился в Пустыни, неожиданно ночью от инфаркта умерла его мать. Все родственники, потрясенные ее внезапной кончиной, собрались на похороны. Мы с моим мужем, Василием Ивановичем, тоже были. Сережа очень переживал, еще на кладбище попросил меня прийти к ним вечером. Были одни родственники и несколько соседей, посидели, поговорили. На другой день Сережа вернулся в Пустынь и начал мне оттуда писать на работу письма о своем житье-бытье. Как-то раз мы с Юрой, Сережиным племянником, съездили к нему в санаторий. Он был очень рад нашему приезду, вернулись мы поздно, дорога была очень плохая. На следующий год, весной, Сереже предложили продолжить лечение в Шиморском. Летом, к концу пребывания на лечении, я приехала его навестить. Он не захотел там больше оставаться и, оформив документы, вместе со мной уехал в Горький, тем более что его лечение уже закончилось. Каждый день вечером после работы он встречал меня и уговаривал развестись с мужем. Но сделать это мне было очень трудно — мой муж меня очень любил и на развод не соглашался. Больших трудов мне стоило его уговорить, судью просила не задавать нам много вопросов. Василий вел себя на суде достойно, молчал. Нас развели. Уже через несколько дней мы с Сережей зарегистрировались, раздобыли курсовки в санаторий в Филипповку и вместе с Аней и нашей кошкой уехали.

Было лето, там была речка, где мы купались. Аня нашла себе подруг, Сережа играл в теннис, и мы хорошо провели время.

Вернувшись в город, мы удачно выменяли квартиру на Верхневолжской набережной, где проживаем по настоящее время. Квартира большая, уютная, в праздники у нас собиралось много гостей. Приходили родственники: Резниковы, молодые Куликовы — Юра и Лена, Леля, уже переехавшая из Фрунзе в Горький, родственники из Москвы; моя подруга М.К. Абрамычева — зам. зав. отделом обкома партии, А.Н. Соколова — директор ТЮЗа с мужем — известным журналистом и театральным критиком — С.А. Фихом, поэтесса В.А. Частикова — сотрудник газеты «Горьковская правда», главный инженер «Гипросельэлектро» — Л.Л. Хонин с женой. Бывали у нас В.С. Троицкий с женой, М.М. Кобрин, М.А. Миллер.

Каждое лето мы уезжали на курорт, вначале в Прибалтику (Сережа очень любил Юрмалу), а потом на юг — Сочи, Гагры, Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки. Больше всего Сереже нравилось в Сочи, там были лучшие книжные магазины, в которые отдыхающие, как правило, не заходили. Он же был страстным книголюбом, большую часть свободного времени проводил за чтением, всю жизнь собирал книги и имел одну из самых больших домашних библиотек в нашем городе, в которой можно было найти книги из самых разных областей знаний: истории, литературы, искусства, физики, химии, медицины и многих других. Сережа был всесторонне развитым человеком, мог разговаривать с людьми разных специальностей на их языке, всегда интересовался событиями, происходящими в мире, знал несколько языков и был исключительно приятным собеседником. Он любил играть в теннис, плавать, подолгу гулял на свежем воздухе.

Так интересно прошли одни из лучших лет нашей совместной жизни.

Я решила своевременно выйти на пенсию, так как стала страдать гипертонией и головными болями, тем более что пенсия мне полагалась персональная, со

Книги... книги... книги... Библиотека С.А. Жевакина

всеми льготами. Моей мечтой было приобрести дом в селе Татинец, живописнейшем месте на берегу Волги, находящемся недалеко от города и всего в пяти километрах от села Работки, где жила моя подруга, бывшая учительница. Сережа вначале был категорически против, не хотел привязываться к одному месту, но Татинец ему нравился, и он согласился. К дому мы пристроили большую веранду, где можно было обедать и отдыхать. Из бывшего коровника сделали гараж, построили баню. Мы очень любили париться в бане, а после отдыхать в большом просторном предбаннике. В заброшенном саду посадили плодовые деревья, кусты, ягодники. Сделали грядки, парник для помидоров. Сережа занялся рыбалкой, он был знаком с этим делом еще до армии. Купили лодку. Он всегда ездил на веслах, мотор не любил. Ловил на подпуск, и мы всегда были с рыбой. Дом наш стоял на главной улице села, и Сережа с независимым видом проносил мимо сидевших на лавочках женщин полное ведро рыбы. Я несла снасти. Многие не верили, что он хорошо ловит, и однажды соседка с усмешкой спрашивает, не продаст ли он рыбы? В тон ей Сережа ответил: «Можно». Другая тоже спросила, и он также: «Можно и Вам», и третьей так же ответил. Мы тогда продали шесть килограммов рыбы, больше над ним уже не подсмеивались.

Сережа любил и лес. Набирал много грибов, а ягоды, землянику, собирал в основном в рот, и нам так советовал.

Наш деревенский дом, как и квартира в городе, постепенно наполнялся книгами. От Горького до Татинца было 65 км по Казанскому шоссе. Мы выезжали в пятницу, во второй половине дня, машину он любил и водил хорошо, но в Татинец мы попадали только к ночи. Вначале мы заезжали в Старое Кстово — книжный магазин, потом в Новое Кстово — книжный магазин, затем в Работки — книжный магазин. Потом мчались мимо Татинца до Б. Мурашкина в книжный магазин, выезжая из Мурашкино, сворачивали направо до Княгинина — книжный магазин. И конечно, в Татинец приезжали в полной темноте. Но Сережа с огромным удовольствием выгружал по приезду новые покупки.

На другой день — рыбалка, купание в Волге. Ближе к осени мы ездили на остров, а там шиповник, калина, грибы.

Ни на какие курорты нас больше не тянуло.

Но когда Сережа стал часто терять сознание, от машины пришлось отказаться, и он приезжал ко мне в Татинец на «Ракете». Я встречала его на пристани в пятницу вечером и в понедельник утром провожала обратно на работу в Горький. Приступы стали случаться чаще, но он не хотел ложиться в больницу. В Татинце можно было вызвать «скорую помощь» из Работок, но, когда она приезжала, приступ уже кончался. Он начал падать на улице и в городе, но всегда отказывался от госпитализации.

С.А. Жевакин около скульптуры А.В. Кикина «Рыбак», для которой служил моделью. 1970-е годы

Удачливый рыболов

Последний раз длительный обморок у него случился на работе при входе в кабинет. Это было в октябре 2000 года. Он пролежал в Первой градской больнице до середины января 2001 года. Лечили его усиленно, ежедневно ставили капельницы, делали массаж, но лучше не становилось. Он начал терять память, речь. Все больше сказывались явления нарушения мозгового кровообращения, связанные с инсультом. В середине января его выписали домой. Продолжалось лечение и дома: капельницы, Юра (Ю.Ю. Куликов — племянник С.А. Жевакина), Лена (жена Юры. — *Ред.*) и Аня каждый день делали массаж ног и рук. Но он все чаще и чаще терял сознание... Говорил, что «цепляется за жизнь». Но болезнь прогрессировала... За неделю до смерти он как-то пришел в сознание и сказал мне ясным голосом, «что придется умирать, и скоро». Потом спросил, продолжаю ли я верить в Бога и молюсь ли? Сам он всю жизнь был атеистом, говоря, что «научно объяснить существование Бога нельзя». (В Татинце у нас старинная церковь, в которую я часто ходила.

Там был очень хороший священник. По вечерам он выходил гулять, и я с ним подолгу беседовала. Сережа знал об этом и не возражал.) Я ответила Сереже, что молюсь каждый вечер и верую в Бога. Он сразу как-то просветлел, успокоился и сказал: «Значит, мы с тобой там встретимся?» Я подтвердила. Он затих и сказал, что поспит. Больше он не говорил и не ел несколько дней. На девятый день, в пять часов тридцать минут утра, он умер. Пришли Юра с Леной, помогли его одеть. Вот и все. В гробу он лежал торжественный и красивый. Я очень любила этого человека и прожила с ним счастливую и интересную жизнь. Подобных людей я никогда не встречала.

Моя семья: дочь Анна, зять Геннадий, внучка Нелли всегда были благодарны Сергею Александровичу за доброе, внимательное отношение и то влияние, которое он оказывал своей эрудицией на их развитие.

2006 год

...Я познакомился с Сергеем Александровичем в 1963 году студентом радиофизического факультета. Он читал нам курс термодинамики и статистической физики. Этот курс стал одним из краеугольных камней в моем образовании как физика. И дело не только в его важности, фундаментальности, но и в том, что читал его физик милостью Божьей. Именно таким был Сергей Александрович. Читал он обстоятельно, но слегка заикался, часто смотрел в блокнот, который был у него в руках. Несмотря на это, изложение увлекало, я слушал, не отрываясь, неотступно следуя внутренней логике его повествования. Физике нельзя научить только по книгам. Необходимо общение с человеком, который владеет физикой и несет в себе дух этого предмета. Огонь нельзя зажечь от фотографии огня. Нужен живой огонь.

...Я часто бывал у них дома и познакомился с семьей. Это были удивительные люди. В доме — большая библиотека. Сергей Александрович был страстным библиофилом. Он собрал множество редких и очень интересных книг, прекрасно ориентировался в книжном море. Разговаривая с ним, я всегда узнавал много интерес-

ного. Случалось иногда, что вместе мы посещали букинистов. Один из них, наш общий знакомый С.И. Богданов, был человеком столь интересным и колоритным, что о нем стоило бы рассказать отдельно.

...В старом доме Жевакиных на улице Нестерова была большая веранда, выходящая в сад. На этой веранде собирались домочадцы, друзья, знакомые. Беседы сопровождались чаепитием допоздна. Даже с наступлением осени, одевшись теплее, сидели и подолгу разговаривали на веранде. Сергей Александрович был знаток и любитель хороших вин. Нередко на веранде распивали не только чай. Каких тем мы только не касались. Говорили обо всем. Сергей Александрович, страстный, эмоциональный рассказчик, мог часами держать внимание собеседников.

...Сергей Александрович вспоминал, как он со своими результатами поехал к Льву Давидовичу Ландау. Ему хотелось узнать мнение выдающегося физика. Ландау принял его в коттедже, где жил, на верхнем этаже. В комнате был стул, стол, книжный шкаф и низкая тахта, покрытая ковром.

Сергей Александрович сказал о цели приезда и начал излагать свою теорию. Когда он дошел до аналогии с двигателем Дизеля, Ландау сказал: «Знаете, я ничего не понимаю в дизеле...» «Да и я тоже», — заметил Сергей Александрович. «Вот видите, — продолжал Ландау, — я ничего не понимаю в дизеле, Вы ничего не понимаете в дизеле. Так о чем же мы будем говорить?» Разговор не получился.

...Сергей Александрович — участник Великой Отечественной войны. Среди его наград — медаль «За взятие Берлина». Его рассказы о войне незабываемы. Они поражали своей искренностью, неортодоксальностью. Его видение и оценки войны непредвзяты, честны, яркие.

...Сергея Александровича всегда отличало то, что он был самым собой. Немногие люди могут позволить себе такое. Чаще встречается стремление «казаться», выглядеть как кто-то или что-то. Он же жил с сознанием собственной ценности и не желал подделываться под то, что считалось достойным подражания.

*Н.В. Дерендяев, профессор
ННГУ им. Н.И. Лобачевского*